

Автор:

Уроженко Светлана Андреевна

ученица 9 класса

МКОУ Базовская СОШ

Ольховатского района Воронежской области

НАДЛОМЛЕННОЕ ДЕРЕВО

Война приятная только тем, кто не испытал ее.

Г. Винграновский

Как-то я услышала от мамы фразу: «Не дай вам Бог жить в интересное время!».

Я тогда не поняла, почему она так сказала, и попросила объяснить. Мама ответила: «Доченька, полистай учебник истории и подумай, чем исторические времена отличались от обычной, скучной жизни. А ещё лучше – расспроси бабушек и дедушек, уж они-то об интересных временах знают не понаслышке».

После этого разговора я принялась за учебник истории, стала листать страницы и искать приметы «интересного времени». И я поняла: для истории интересны времена потрясений, когда рушатся государства, разгораются войны. Именно тогда происходят великие события, проявляют себя герои.

Такою была для нашей страны Великая Отечественная война. Много подвигов свершилось в ту пору. Много бед принесла война простым людям. Огненным ураганом проносилась она по человеческим судьбам, гнула и ломала их, как тонкие деревца. Те, кто проходил через её горнило, уже больше никогда не становились прежними.

Я стала расспрашивать о Великой Отечественной войне бабушку Свету. Она достала коробку со старыми фотографиями. Мы долго их перебирали, и я наткнулась на одну, которая заинтересовала меня больше других.

Три девушки одеты так, как актеры в фильмах о войне. И подпись на обратной стороне: «На память другу Шуру от Поли Таран и Ксении Стаценко о пребывании в Немеччине, в городе Лейпциге, в польском лагере».

– Кто это Шура? – спросила я.

– Это моя мама, – ответила бабушка.

И она мне рассказала историю простой украинской женщины, попавшей в польский трудовой лагерь в годы войны.

Бабушке Шуру было 30 лет в те дни, когда немецкие войска оккупировали Украину. Она тогда работала в Павлограде на военном заводе.

Семейная жизнь у бабушки Шуры не сложилась, и она посвятила себя заботе о племяннице Лиде – подростке, отец которой, Алексей, ушёл на фронт в первые дни войны, а мать давно умерла от тяжёлой болезни.

У бабушки, кроме Алексея, был ещё один брат - Михаил. Михаила война застала в армии, где он проходил срочную службу.

Немцы оккупировали Павлоград так быстро, что наши не успели ни уничтожить военный завод, на котором работала бабушка, ни вывезти людей.

Завод продолжал работать, а присматривали за рабочими предатели-полицаи. Бабушка по своей природе была бунтаркой, не терпела лицемерия, перед полицаями не прогибалась. Когда отправляли людей на общественные работы (очищать от снега дороги, чтобы немецкие войска быстрее продвигались на фронт), бабушка Шура отказалась. Она сказала так: «Если будут идти наши – первой побегу снег разгрести, а для немцев я лучше ещё

больше дорогу забросаю». Поэтому один из них решил сдать её в комендатуру, выдав за еврейку. В те дни это означало верную смерть.

Бабушка решила бежать с племянницей к родственникам в деревню Вербки. Они почти добрались, но оказалось, что там проходила линия фронта. Люди, обезумевшие от страха, бежали из этих мест. Пришлось возвращаться и бабушке с Лидой.

В Павлограде они не пробыли и дня. Отправляли состав с работниками в Германию. Знакомый нам уже полицай приложил усилия, чтобы бабушка Шура оказалась в этом составе. Лида увязалась следом: она боялась остаться одна в оккупированном городе.

Работников в Германию везли в товарных вагонах. Люди голодали, болели. Некоторые умерли в дороге.

Сначала состав прибыл в Берлин. Затем часть людей переправили в польский лагерь в Лейпциге. Бабушка оказалась среди них, а Лиду оставили в Берлине.

По приезде работникам выдали деревянную обувь, типа сабо, (бабушка называла их «трэпы») и робу. Тяжёлым ударом было для бабушки Шуры узнать, что завод, на котором придётся работать, военный, а значит, она будет производить оружие, которое, возможно, убьёт однажды кого-нибудь из близких на фронте.

Была зима, очень холодно. Кормили, по бабушкиным словам, как собак. Непонятное варево приносили в вёдрах, бросали в дверях, часто проливали. Еда была отвратительной, но и её не хватало. Иногда кто-нибудь убежал в город. Местные жители зачастую жалели голодных, замёрзших работников, давали им хлеб, одежду. Возвращаясь в лагерь, беглецы делились едой с другими.

Чаще делали вылазки в поле. Выкапывали мёрзлую свёклу, варили её прямо на заводе в производственных котлах.

Во время одной из таких вылазок мою бабушку и её подруг поймал надзиратель и отвёл в комендатуру. Комендант увидел голодных, измождённых

женщин и, пожалев их, велел, не поднимая шума, отвести обратно в лагерь. Надзиратель, совсем ещё молодой, и сам жалел работников. На обратном пути он им светил фонариком, чтобы женщины могли собрать свёклу, которую, боясь расправы, выкинули по дороге в комендатуру.

Но, несмотря на все лишения, самым тяжёлым в дни пребывания в лагере было ощущение безнадежной вины: ведь на заводе приходилось делать оружие, тем самым невольно помогая фашистам в войне.

Когда советские войска вступили на территорию Германии, в лагере началось ликование. Надсмотрщики были в ужасе, не знали, что им делать.

Потом завод стали бомбить. Нужно заметить, что завод был подземным, а над ним были построены бараки, в которых жили работники. Поэтому получилось, что наши бомбили наших.

Люди использовали вместо бомбоубежища траншеи. Одна из бомб попала в водонапорную башню. Земля сдвинулась, люди оказались в ловушке. Бабушке повезло: она чудом уцелела. А её подруга, со многими другими, осталась в смертельной западне. Когда всё стихло, надсмотрщики закидали матрацами тех, кто не выбрался, и засыпали их землёй. Так в лагере появилась братская могила.

Потом вошли советские танки. Немцы бежали в панике. Русские, поляки, чехи радовались освобождению. Их посадили в поезда и отправили домой.

А дома всех ждал допрос НКВД. Любое отклонение в поведении расценивалось как предательство. Многие потом попали в лагеря и отбывали срок уже у себя на Родине. Бабушку признали невиновной, и она, одна из первых, вернулась в родную деревню Вербки. О Лиде же ничего не было слышно. Она как в воду канула.

В Вербках была разруха и голод. Отец Лиды, Алексей, старший брат бабушки, погиб под Москвой. Недавно на сайте Министерства обороны я нашла копию листка выбытия, где сообщалось, что он умер от заражения крови

после ампутации руки. Младший брат Михаил пропал без вести. Бабушка Шура осталась одна.

Сначала она жила «в людях». И вот однажды пришло письмо от брата Михаила. Он писал, что после тяжёлого осколочного ранения лёгкого долго лежал в госпитале, а после его вместе с другими тяжелоранеными, отправили выздоравливать в солнечную Киргизию. Писал, что там у него есть семья, но всё равно он чувствует себя одиноким вдали от родных.

Михаил звал сестру к себе, и она поехала к брату. Вот только поселилась бабушка не во Фрунзе, где жил тогда дедушка Миша, а в приграничном с Киргизией казахстанском селе Георгиевка. Там она устроилась работать санитаркой и познакомилась со своим мужем, дедушкой Костей, который работал в больнице конюхом.

Нужно отметить, что дед Костя был человеком неординарным: потомок семиреченских казаков, основателей Георгиевки, он был уважаемым человеком среди местного населения. Его приглашали на все большие праздники как почётного гостя. Дедушка Костя знал в совершенстве казахский язык, и поэтому во время войны ему поручили командование отрядом тюркоязычных сапёров. У дедушки было много наград, и в нашей семье его помнят как героя.

Лишения, перенесённые бабушкой Шурой в Германии, сказались на её здоровье. Дети у бабушки и дедушки рождались слабыми и долго не жили. Это было большой бедой, страшным отголоском войны.

Однажды в больницу привезли трёхлетнюю девочку Свету. Родители бросили малышку на вокзале, и она чуть не погибла от голода. Девочка была добрая, ласковая, и бабушка с дедушкой полюбили её. Скоро маленькая Света стала их приёмной дочерью. Вместе с ребёнком в доме поселилось счастье, и война для бабушки Шуры, наконец-то, закончилась.

Я слушала бабушку Свету и думала о том, что война – это возможность

для многих прославиться, сделать хорошую карьеру. Но для большинства людей война – это огромная беда, и заканчивается для них она не в тот день, когда правительства государств подписывают мирный договор, а тогда, когда в их истерзанных душах наступает мир. И человек, как надломленное бурей дерево, начинает оживать, прорастать. Он никогда уже не станет таким, как прежде, но, если в человеке от природы есть внутренняя сила, он будет жить дальше.